

Междисциплинарные исследования

© 1998 г. А.А. Скороходова

ГРАФФИТИ: ЗНАЧЕНИЕ, МОТИВЫ, ВОСПРИЯТИЕ

Рассматривается явление настенных рисунков и надписей. Представлены исследовательские подходы. Даны классификации граффити, приводятся социальные и психологические характеристики рисовальщиков и мотивы их поведения. Показаны гендерные и межкультурные различия. Исследованы восприятие надписей и оценка данного вида поведения. Обсуждаются способы предотвращения этой разновидности вандализма.

Ключевые слова: граффити, исследовательские подходы, мотивы, гендерные различия, межкультурные различия, оценка социальной приемлемости, способы предотвращения.

1. ВВЕДЕНИЕ

Термин "граффити" происходит от итальянского "graffito" и означает "проводить линии", "писать каракулями", "выцарапывать" [13]. Первоначально этот термин относился лишь к древним надписям и употреблялся историками и археологами. Сейчас он обозначает всякую неразрешенную надпись, знак, сделанные любым способом на объектах общественной и частной собственности. Граффити составляют неотъемлемую часть пейзажа современных городов и сел, а также внутренней обстановки общественных зданий. Их можно обнаружить на стенах домов, заборах, скамейках и другой уличной фурнитуре, в транспорте, лифтах, на лестницах, в общественных туалетах, на партах и столах и даже на памятниках культуры. Они выполнены всевозможными способами – мелом, ручками и карандашами, маркерами, краской, иногда выцарапаны или выбиты. Граффити содержат разнообразные сообщения, ругательства, изречения, рисунки и символы.

Само явление настенных рисунков и надписей имеет давнюю историю. Еще древние римляне оставляли в общественных уборных непристойные надписи. Для защиты от такого варварства на стенах специально помещались религиозные знаки, чтобы призвать гнев небес на тех, кто это делает. Множество граффити обнаружили археологи при раскопках Помпеи. Это были не только непристойности и грубости, но и любовные послания, стихи [8].

Обыкновение оставлять надписи и рисунки существовало и на Руси. Как отмечают археологи, писание на церковных стенах было настолько распространено, что запрет на это нашел отражение в юридических документах той эпохи [3, с. 5]. Церковный устав Владимира Святославича (XII век) строжайше запрещал писать и рисовать на стенах и повелевал церковному суду наказывать тех, кто "крест посекают или на стенах режут" [7, с. 241]. Авторы надписей скорее всего сознавали, что совершают нечто недозволенное. Нечеткость букв, пропуски, особенности начертания говорят о том, что многие надписи делались поспешно и украдкой [1, с. 113, 125]. Любопытно, что значительная часть граффити сделана самими священнослужителями. Так, надпись, найденная в алтарной части Софийского собора в Киеве сообщает: "Писал, поющи аллилуя" [1, с. 24].

В современном мире граффити являются одной из распространенных форм вандализма и наносят значительный финансовый и социальный ущерб городской среде во многих странах. По данным американских исследователей, в 1970 году ущерб, нанесенный граффити станциям и вагонам метро Нью-Йорка, оценивался в 250 тыс. долларов, в 1974 – в 2 млн. долларов [8, р. 142]. В 1989 г. округ Лос-Анжелес, города Нью-Йорк и Сан-Франциско потратили на борьбу с этим явлением соответственно 50, 55 и 2 млн. долларов. А ежегодная стоимость устранения незаконных надписей и рисунков в США, по некоторым оценкам, превышает 4 млрд. долларов [9, р. 345]. Какие-либо данные об ущербе от граффити в России нам не известны, но можно догадаться, что он немалый. Многообразие разрушений, происходящих в обществе, можно классифицировать в зависимости от степени их институционализированности [11]. При такой классификации поведение стихийных рисовальщиков займет промежуточную позицию между допускаемыми обществом ритуальными разрушениями в определенное время и определенных ситуациях (карнавалы, праздники) и теми видами поведения, которые являются проявлениями вандализма (битие стекол, порча памятников). Граффити относятся к тому типу разрушений, ущерб от которых рассматривается как "неизбежные издержки" и институционализирован (т.е. он ожидаем), а деятельность по устранению надписей является рутинной обязанностью [11]. Действительно, по сравнению с другими разновидностями вандализма (разламывание вещей, поджоги) и насильственными преступлениями граффити представляют собой мелкие, незначительные, относительно безопасные проявления разрушительного поведения человека. Но мелкие формы агрессии, к числу которых относится вандализм, получая положительное подкрепление, влекут за собой более крупные [14]. Это значит, что в той степени, в какой граффити выражают деструктивные импульсы человеческой природы, они порождают усвоение агрессивных образцов поведения.

Городское пространство, насыщенное граффити, снижает психологическую и функциональную поддержку со стороны окружающей среды. Известно, что индивиды ассоциируют некоторые характеристики окружающей среды с опасностью и ненадежностью [17]. Граффити, как и разбитые стекла, мусор и другие признаки неухоженности, воспринимаются как симптом деградации, вызванной ослаблением механизмов социального контроля, что порождает у людей беспокойство, чувство страха и уязвимости. Кроме того, ощущение беспорядка и упадка понижает порог сдерживания от деструктивных действий, а это, в свою очередь, увеличивает вероятность дальнейших разрушений [14]. Некоторые виды граффити, например, порча информационных стендов и знаков, особенно предупреждающих, препятствуют функциональному воздействию дизайна.

В то же время, граффити имеют и некоторые положительные социальные функции. Настенные рисунки и надписи являются разновидностью коммуникации, свободной от повседневных общественных ограничений в силу своей анонимности [8]. Они являются способом выражения установок, конфликтов и проблем, большей частью подавленных и скрытых. Не случайно некоторые авторы отмечают психодинамическое значение граффити [8].

Все вышесказанное говорит о том, что изучение этого феномена весьма актуально. Однако пока отечественных исследований настенных надписей и рисунков крайне мало. Можно назвать лишь одну публикацию, специально посвященную данной теме [5]. Поэтому попытка обобщить уже имеющийся опыт изучения граффити кажется нам своевременной.

2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Первые попытки систематизации и изучения граффити относятся к XVIII веку. В 1731 г. англичанин Трумбо опубликовал антологию надписей, собранных на зданиях и в общественных местах Лондона. Книга содержала высказывания о любви, браке, пьянстве, трезвости, скандалах, политике, играх, проповеди [8, с. 7].

В нашем столетии первое научное исследование этого явления было предпринято в 1935 г. американским лингвистом Ридом, который на основании надписей, собранных в общественных туалетах ряда штатов, проанализировал изменения в значении слов [8, с. 8].

С тех пор граффити становились объектом внимания разных социальных наук. Несмотря на неодинаковую степень разработанности, можно выделить несколько исследовательских подходов.

Древние надписи изучаются археологией, такими дисциплинами, как палеография и эпиграфика. Например, в совокупности с другими источниками исследование граффити Помпеи дали обширную информацию о повседневной жизни римского города. Особенно примечательными оказались граффити, посвященные гладиаторским боям [13]. Анализ же средневековых надписей и рисунков в русских храмах позволил получить сведения о жизни разных социальных слоев российского общества той поры, распространении письменности и особенностях языка, уточнить хронологию летописных событий [1, 4].

Многие граффити содержат оскорбления и непристойности в виде грубых слов и рисунков, что является социальным табу. Это дало основание представителям психоаналитического направления рассматривать надписи и рисунки как средство символического удовлетворения базовых импульсов сексуальности и агрессивности, свободное выражение которых не допускается обществом [8].

Подход, который может быть назван социобиологическим, обозначен Седневым [5]. Он полагает, что феномен граффити представляет собой аналог архаических, филогенетически ранних поведенческих реакций, свойственных животным (например, пометка территории). Высвобождение подобных импульсов особенно легко происходит в подростковом возрасте. На архаичность этого вида поведения указывает также Кокорев [15, р. 23].

Детские надписи и рисунки представляют интерес для психологии развития. Они являются собой раннюю стадию символического отношения ребенка к окружающей среде и позволяют выявить, какой дети видят физическую, социальную и культурную среду, и каковы их коммуникативные навыки [18, 19]. Анализ различий в количестве и содержании граффити, характерных для разных полов, позволяет изучить гендерные различия в сексуальных установках, стереотипах поведения и стилях коммуникации [26, 27, 35 и др.]. В рамках психологии личности изучалась взаимосвязь граффити и личностных черт [32, 34].

Надписи и рисунки стали одним из источников исследования молодежных субкультур (например, [10]). В частности, изучалась роль интерпретации символа в структурировании сообщества [6]. С возникновением особой субкультуры настенных надписей "хип-хоп" появилась масса исследований, посвященных ее описанию и анализирующих роль граффити в системе ценностей и социальной организации подростковых сообществ [9, 15, 16 и многие др.].

В рамках психологии взаимодействия с окружающей средой [38] и архитектурного дизайна [23] акцентируется внимание на характеристиках среды, которые провоцируют или формируют данный тип поведения. Ряд работ рассматривают настенные рисунки и надписи в качестве одной из разновидностей вандализма [24, 29] и разрабатывают практические способы уменьшения ущерба [36].

3. ВИДЫ ГРАФФИТИ

Настенные рисунки и надписи представляют собой весьма неоднородное явление — от детских каракулей до политических лозунгов, поэтому уместно привести некоторые классификации. Заметим, что эти классификации не являются очень строгими и абсолютными, но все же они помогают увидеть различные формы рассматриваемого феномена.

Эйбл и Бекли различают *публичные* и *личные* граффити [8, с. 16]. К первым относятся городские надписи и рисунки, сделанные, как правило, на внешних сторонах зданий, заборах, деревьях, в метро и представляющие собой чаще всего сообщение о групповой идентичности. Вторые размещаются внутри зданий. К ним относят граффити в туалетах, на стенах общественных мест, партах и т.п. Эти надписи чаще являются выражением личностных установок, эмоциональных состояний или внутриличностных конфликтов. Кроме того, в личных граффити в большей степени обнаруживается воздействие обстановки.

Рассматривая феномен городских надписей, Кокорев выделяет три вида [15, с. 25–26]. Первый – *содержательные* граффити, т.е. надписи, содержащие эксплицитное сообщение разнообразной тематики. Второй – *разрушающие* граффити. Они появляются преимущественно на рекламных плакатах и стендах. Это знаки, нарушающие целостность и изменяющие содержание официального сообщения или образа. К ним относятся подрисованные усы и клыки, раскрашенные глаза, стертые или приписанные буквы и т.п. К третьему виду относятся специфические *надписи, сделанные в стиле "хип-хоп"* и принадлежащие к соответствующей подростковой субкультуре. Субкультура "хип-хоп" появилась в начале 1970-х гг. в Нью-Йорке и включает в себя музыку рэп, брейкдансинг и настенную живопись. Впоследствии эта субкультура распространилась не только в США, но и в большинстве европейских стран. Граффити в стиле "хип-хоп" представляют собой надписи и рисунки, выполненные чаще всего пульверизатором с краской. Наиболее распространенный вид – динамичные росчерки – автографы, украшенные различными символами (крестами, коронами, звездами, стрелами и т.п.). Однако встречаются и целые многоцветные картины большого размера, снабженные текстами [9]. Рассматривая эти три типа надписей применительно к Франции, Кокорев отмечает последовательное их распространение, начиная с 1960-х гг., и преобладание в последние годы граффити третьего типа.

Седнев собрал и классифицировал надписи и рисунки в общественном транспорте города Донецка [5]. Его классификация содержит три вида. К первому относятся *идентифицирующие* надписи – имена, клички, места жительства или учебы, дата или цель поездки. Второй вид образуют *асоциальные* надписи – нецензурные слова и символы в адрес кого-либо или без адреса. Третий вид представлен *символическими* граффити, относящимися к популярным музыкальным группам и исполнителям, а также наименованиям фирм, производящих обувь, одежду, аппаратуру.

Существует несколько эмпирических классификаций, группирующих надписи, найденные в зданиях и общественных местах. Высоцкий и Медынцева выделяют следующие разновидности средневековых граффити, обнаруженных в культовых сооружениях Киева: 1) благопожелательные (начинаются словами "Господи, помози..."), 2) поминальные, 3) в память об общественных событиях, 4) автографические, 5) относящиеся к фрескам и связанные с тематикой храмовых росписей, 6) рисунки – кресты, магические знаки, изображения святых [1, 3].

Многочисленные исследования посвящены граффити в общественных туалетах школ, колледжей и университетов [18, 19, 25, 26, 27, 30, 35 и др.]. Граффити, обнаруженные здесь, обычно сосредоточены на следующих темах: автографы, секс (сексуальные желания, предложения, комментарии), романтические отношения (выражения чувств к противоположному полу, не имеющие сексуального оттенка), оскорбления и грубые слова, наркотики, политика, религия, национальные отношения, философские изречения, юмор. Результаты исследований демонстрируют разное соотношение этих тем, но все-таки основную массу туалетных граффити составляют надписи, связанные с отношениями с противоположным полом. Но здесь существуют гендерные различия, о которых будет сказано в дальнейшем.

4. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РИСОВАЛЬЩИКОВ

С точки зрения социально-статусных характеристик рисовальщиков специально изучалась лишь одна разновидность граффити – настенная живопись "хип-хоп" и сообщества граффити. Рисовальщики в большинстве своем были мужского пола [9, 15, 16]. Если встречались девушки, то для них был характерен разрыв с половой идентичностью и они подчинялись мужским правилам поведения (одежда, реакции) [15]. Возрастные рамки составляли 12–20 лет, но встречались рисовальщики и младше 12 лет, а некоторые продолжали свою деятельность и после 20. Большинство авторов граффити – выходцы из семей с низким социальным статусом и представители национальных меньшинств. Тем не менее, все исследователи отмечают, что среди рисовальщиков встречаются выходцы из среднего и высшего классов. Каких-либо сведений относительно социального состава российских авторов граффити у нас нет, но любопытно, что среди московских рисовальщиков, обнаруженных журналистами, оказались преуспевающий 30-летний сотрудник иностранной фирмы и 22-летний аспирант МГУ [2]. Можно также предположить, что некоторые разновидности надписей (например, политические) делаются представителями более старших возрастных групп.

Насколько широко распространен данный вид поведения среди детей и подростков? Опрос, проведенный Моуби среди 11–15-летних жителей Шеффилда, показал, что это свойственно почти каждому второму подростку, 48,1% мальчиков и 45,5% девочек сообщили, что за последний год хотя бы раз делали надписи на стенах [21]. Следует отметить, что хотя другие акты вандализма (разрушения, поджоги) девочки совершают гораздо реже, чем мальчики, граффити являются разновидностью вандализма, характерной в одинаковой степени для обоих полов. Другая оценка вовлеченности касается надписей в общественных туалетах. По данным Райн и Ульман [28], каждый 15-й студент колледжа оставляет граффити в туалетах.

Осуществлялись некоторые попытки установить, какие личностные черты обуславливают данный вид поведения. Соломон и Яджер изучали взаимосвязь между синдромом авторитарной личности и граффити среди студентов колледжа [34]. На основании данных опроса ими были выделены две группы субъектов: те, кто сообщил, что пишет или рисует на стенах часто или когда есть возможность, и все остальные. Затем обе группы заполняли F-шкалу. Студенты первой группы показали значительно более высокие баллы по шкале авторитарности. Авторы исследования объясняют этот результат тем, что граффити представляют собой способ высвобождения собственных авторитарной личности подавленных агрессивных и враждебных импульсов. Кроме того, содержание многих надписей оказалось заданным предыдущими, поэтому новые граффити можно интерпретировать как конформный вид поведения, что отражает конвенциональность авторитарной личности. Хотя некоторые авторы отмечают методологическую и методическую ограниченность данного исследования [18], его результаты согласуются с данными, полученными Шульцем и Стоуном, которые выявили негативную корреляцию между авторитаризмом и расположением к защите окружающей среды [31].

Шварц и Довидио [32] изучали взаимосвязь данного вида поведения, локуса контроля и креативности личности. В качестве гипотез ими были высказаны следующие предположения: граффити представляют собой эффективный способ сообщения о чувствах и установках, отклоняющихся от нормативных стандартов группы, а оригинальное, ненормативное самовыражение присуще творческим личностям; в то же время граффити дают возможность оставаться анонимным, что позволяет избежать негативных санкций. Поскольку экстерналы ощущают меньший контроль за последствиями своего поведения, то анонимное высказывание своих точек зрения в виде рисунков и надписей должно быть им более свойственно, чем интерналам. Результаты подтвердили гипотезы. Студенты колледжа, сообщавшие, что за последний год "редко", "иногда" или "часто" писали на стенах и партах, оказались более креативными и более экстернальными, чем те, кто сообщал, что ни разу не делал рисунков и надписей.

5. МОТИВЫ РИСОВАЛЬЩИКОВ

Каких-либо специальных исследований, посвященных изучению мотивов данного вида поведения, не проводилось, но на основании изучения ценностей субкультур рисовальщиков и содержательных классификаций надписей и рисунков можно попытаться выстроить причины, побуждающие к созданию граффити.

Утверждение личностной или групповой идентичности. Граффити порождены желанием оставить след, сообщить о своем существовании, выразить привязанность. Знаки, подчеркивающие идентичность, составляют значительную часть надписей и рисунков. По данным Седнева, на них приходится 50,3% от общего количества [5, с. 172].

Написание имен популярных исполнителей, спортивных команд и т.п. передает чувство причастности и симпатии, обозначает принадлежность к той или иной группе, приверженность определенному стилю жизни. Субкультурная символика эмоционально наполнена. Как отмечают некоторые исследователи, идентифицирующие граффити насыщены чувствами гордости и радости [6, с. 85]. Особенность российских граффити состоит в том, что многие из них сделаны на английском языке. Объясняется это в первую очередь тем, что он является языком молодежной музыкальной субкультуры.

Многие исследователи отмечают ценность популярности и славы в субкультуре граффити [9, 15, 16]. Желание достичь признания и уважения, особенно в пределах субкультуры, реализуется за счет количества, заметности надписей, их долговечности и месторасположения, которое подразумевает большой риск.

Протест против социальных и культурных норм. Граффити влечет порчу общественного или частного имущества, что само по себе является нарушением социальных запретов. Многие надписи содержат агрессивные сообщения с употреблением слов и символов, которые в большинстве культур являются социальным табу. Как отмечает Эйбл [8, р. 74], надписи и рисунки дают возможность человеку выразить его асоциальность одновременно на трех уровнях – поведения, высказывания и языка. Причем граффити представляют собой относительно безопасный для индивида способ заявить о своей оппозиции закону или социальным институтам.

Стремление обозначить свою непринадлежность к господствующей культуре является важным фактором отбора субкультурных символов [6, с. 62]. При этом, как пишет Щепанская, отбираются символы, максимально противоположные символам общепринятых ценностей. Так, для субкультуры российских хиппи в годы, когда религия подавлялась, были характерны образы, связанные с христианством. По мере утверждения церкви в качестве официально признанного института все большее распространение начали получать знаки чертовщины [6]. Из этого следует, что значение символа, используемого граффити, не всегда выражает традиционно приписываемые ему установки.

Злобные реакции. Многие надписи, представляют собой обидное или грубое высказывание в адрес конкретных людей, политических, этнических и других социальных групп, субкультур, социальных институтов. Подобные типы граффити содержат мотивы борьбы, соперничества и символического насилия.

Мотивы творчества. Некоторые граффити весьма изощрены по стилю. Встречаются целые картины. Усложненность стиля представляет собой не только средство достижения славы, но и самоцель. Многие рисовальщики считают себя художниками, придающими унылой и безликой городской среде красивый вид. Подготовка к раскрашиванию включает в себя долгие тренировки и упражнения по совершенствованию умений.

Сексуальные мотивы. Надписи и рисунки часто содержат сексуальные желания. Иногда граффити служат средством коммуникации, когда они расположены в определенных местах (например, в туалетах). Кроме того, познание сексуальности является важным мотивом детских граффити. Так, изучая надписи и рисунки в туалетах

начальных школ Пуэрто-Рико, где учатся дети 6–11 лет, Лукка и Пачеко [19] обнаружили, что более половины граффити связаны с сексуальной тематикой: комментарии по поводу гетеро- и гомосексуальных контактов, рекомендации, выражения сексуальных желаний, изображения половых органов. По мнению Лукки и Пачеко, посредством таких надписей и рисунков дети исследуют поведение, соответствующее сексуальным ролям.

Развлекательные мотивы. Практически во всех эмпирических исследованиях граффити фигурирует категория "разное". В "разное" включают каракули, отдельные слова, которые нельзя отнести ни к одной из содержательных категорий. По-видимому, рисование является частью игры и само по себе доставляет удовольствие.

6. ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ГРАФФИТИ

Выше упоминалось, что участие в сообщениях, систематически расписывающих стены, характерно для мальчиков, но как случайный вид поведения граффити свойственны в одинаковой степени обоим полам.

Специально вопрос о гендерных различиях изучался только в отношении надписей и рисунков в общественных туалетах. Рассмотрим эти различия подробнее по количеству граффити, по их содержанию и стилю.

Данные о различиях в количестве противоречивы. Некоторые исследователи обнаружили большее число надписей и рисунков в мужских туалетах [20, 26, 27], другие – в женских [19, 35].

Более последовательны результаты, полученные относительно различий в содержании. Мужские граффити чаще сексуальны, тогда как в женских преобладает романтическая тематика [20, 35, 19, 26]. Это отличие объясняется двояко. Либо несхожесть в граффити отражают особенности природы женской и мужской сексуальности: возможно, для первой важнее романтические импульсы, а для второй – эротические. Либо эти различия отражают не столько природу сексуальности, сколько неодинаковость культурных предписаний в ее выражении. Однако с ростом социально-экономического статуса вышеупомянутые различия в граффити уменьшаются [27, 35]. По данным Уэлс и Брюер, в школе, где обучались дети из низших слоев, женские надписи носили преимущественно романтическую направленность. В школе, где учились представители среднего класса, число эротических граффити увеличилось, а в элитарной школе эти две категории практически сравнялись по величине. Отта и сотрудники обнаружили уменьшение различий в тематике мужских и женских граффити с ростом образования. Это касается не только сокращения разницы в количестве эротических и романтических надписей, но и граффити другой тематики. Если в старшей школе значимые различия наблюдались в семи категориях, то в университете только в двух [27].

Третье гендерное различие связано со стилем граффити. Как показали исследования, мужские граффити носят более изобразительный характер. По данным Лукки и Пачеко, рисунки составили 13% в туалетах для мальчиков и лишь 6% в туалетах для девочек. Причем мальчикам присущ более усложненный стиль. Их рисунки гораздо чаще содержат детали, особенно сексуальные [19]. Отта и др. также обнаружили большее число рисунков среди мужских граффити, нежели среди женских [27].

Следует заметить, что хотя исследований граффити в туалетах довольно много, обобщение результатов затрудняется тем, что они были получены на материале разных культур и в разное время.

7. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ГРАФФИТИ

Исследований, посвященных сопоставлению граффити в разных культурах, крайне мало и касаются они только различий в содержании надписей, а не самого обычая.

Секрест и Флорес [33] изучали надписи в туалетах и других общественных местах на Филиппинах и в США. Граффити гетеросексуального содержания обнаружено примерно одинаково в обоих выборках, тогда как граффити гомосексуального содер-

жания были представлены лишь в американской выборке. Подобное различие авторы объясняли разницей установок по отношению к гомосексуализму. На Филиппинах этот вид сексуального поведения не являлся необычным. Меньшая конфликтность по отношению к гомосексуализму, по мнению авторов, вызвала отсутствие этой темы в надписях.

Олову [25] сопоставил коллекции, собранные в туалетах двух британских и двух нигерийских университетов. По сравнению с британской коллекцией в нигерийской оказалось больше гетеросексуальных граффити. Здесь отсутствовали гомосексуальные граффити, но было несколько больше политических надписей, связанных с местными властями, и меньше надписей, касающихся международной политики. Кроме того, в нигерийской выборке появились граффити, посвященные суевериям и анимизму, чего не было в британской выборке. Следует заметить, что последнее исследование не претендует на репрезентативность в отношении обеих культур.

8. ВОСПРИЯТИЕ ГРАФФИТИ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ, ОТНОШЕНИЕ К РИСОВАЛЬЩИКАМ

Большинством горожан настенные рисунки и надписи воспринимаются как грязь, признак вандализма, символ деградации общественного пространства и признак упадка нравственности [15].

Вместе с тем, согласно данным исследования Мозера и др. [24], по сравнению с другими видами вандализма рисование, выцарапывание надписей и каракули воспринимаются горожанами как менее значимое явление. При этом оценка серьезности поступка производится исходя из отношения, установленного между индивидом, совершающим поступок, и средой, и не зависит от возраста последнего и социальных обстоятельств. Факторами, влияющими на оценку серьезности, являются степень причиненного неудобства, масштабы ущерба и ценность поврежденного объекта. Так, выцарапывание надписей на памятниках расценивается как более серьезный проступок, чем вырезание инициалов на деревьях.

Имеются некоторые данные о различиях в оценке социальной приемлемости надписей и рисунков разного содержания. МакМэнэми и Корниш [22] классифицировали граффити, собранные в общественных туалетах Университета Белфаста, и выделили четыре типа – сексуальные, политические, юмор и "разное". Студенты обоего пола признали сексуальные и политические граффити как гораздо менее приемлемые, нежели надписи, отнесенные к категориям "юмор" и "разное". Поскольку мужчины и женщины неодинаково придерживаются конвенциональных норм, ожидалось, что отношение и к этому виду поведения будет различаться. Однако исследование не выявило гендерных различий в оценке социальной приемлемости ни граффити в целом, ни отдельных их типов.

Исписанные стены и другие объекты городского пространства создают впечатление "ничейности", создавая тем самым дополнительный стимул для их разрушения и облегчая нарушение социальных запретов. Узинтал и сотрудники провели экспериментальное исследование среди 15–18-летних старшеклассников Онтарио [37]. Им были представлены смоделированные с помощью компьютера изображения зданий, различавшихся особенностями пространственного дизайна, знаками принадлежности, ухоженностью. Испытуемые должны были оценить, насколько сильно им хочется нанести какие-либо разрушения каждому строению. Наиболее привлекательным оказалось здание с граффити. Его избрали для повреждения 25% старшеклассников.

Выявлены некоторые факторы, влияющие на отношение к авторам настенных рисунков и надписей. Оценка оказалась связанной с тем, имеет ли респондент собственный опыт такого поведения в прошлом [32]. Те, кто сообщил, что хотя бы раз за последний год рисовал или писал на партах и стенах, применяли для описания рисовальщиков нейтральные термины, тогда как остальные использовали более отрицательные.

9. СПОСОБЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ГРАФФИТИ

Можно выделить две основные стратегии в подходах к предотвращению этой разновидности вандализма. Первая представляет собой *управление физической средой*, т.е. изменение особенностей дизайна таким образом, чтобы сделать появление граффити на объектах физически невозможным, непривлекательным или более трудным с моральной точки зрения. Эта стратегия разрабатывается в основном в русле архитектурного подхода и исследований психологии взаимодействия с окружающей средой. В рамках управления средой, в свою очередь, выделяются два способа.

С целью повышения прочности объектов и затруднения их разрушения изменяют конструкцию, используют специальные материалы. Этот способ получил название "укрепление мишени". Для предотвращения граффити, например, рекомендуется применять стальные, блестящие, эмалевые поверхности, невосприимчивые к обычным инструментам рисования [30], а также шероховатые, бугристые, ребристые материалы, на которых рисовать неудобно [38]. Нежелательно использование светлых красок. Рекомендуется избегать контраста основного тона и основы, т.к. это провоцирует выцарапывание. Применение материалов мягкой структуры ускоряет разрушение, а использование кирпичных поверхностей грубого строения, штукатурки с добавлением галечной крошки затрудняет повреждение [23]. Слабость всех перечисленных мер состоит в том, что они не защищают от аэрозольной краски.

Другой способ профилактики граффити предполагает поддержание жизненной среды в хорошем состоянии. Этот метод основан на двух соображениях. Ряд исследователей полагает, что ухоженная окружающая среда, имеющая дружелюбный вид, хотя бы в некоторой степени облагораживает пользователей, создает у них впечатление, что к ним относятся с уважением, и это может побудить вести себя более аккуратно [38]. Кроме того, (что кажется более важным), быстрый ремонт предотвращает дальнейшее разрушение. Как мы видели ранее, появление первых разрушений увеличивает вероятность последующих.

Вторая стратегия может быть названа *социальной* и подразумевает воздействие на поведение рисовальщиков через систему социального контроля. Здесь также существует несколько способов. Наиболее простое средство защиты – предупреждающие или запрещающие знаки. Хотя имеющихся данных явно недостаточно, можно предполагать, что эффективность знака существенно зависит от содержания сообщения, которое он несет. В ходе исследования Коллинз и Батзл стены двух туалетов колледжа были вымыты и в течение четырех дней подсчитывалось количество появлявшихся слов, предложений, рисунков. Затем стены вновь были вымыты и установлена надпись "Не пишите на стенах". В последующие четыре дня также подсчитывалось число граффити. Запрещающий знак практически не повлиял на количество граффити.

О другом эксперименте по предотвращению граффити в туалетах сообщает Уртсон [36]. В течение двух недель в трех только что отремонтированных туалетах появлялись граффити. Затем стены были выкрашены и установлена надпись, сообщавшая, что некое лицо будет перечислять определенное количество денег учреждению за каждый день, в течение которого стены останутся чистыми. После этого ни в одном из трех туалетов в течение 35 дней не появилось ни одного знака. Они продолжали оставаться чистыми и в течение 3-х месяцев после того, как надпись убрали. Возможное объяснение этого удивительного результата Уртсон видит в том, что знак устанавливал возможность для проявления альтруизма, формулируя конкретную цель.

Еще одна разновидность социальной стратегии – организация кампаний борьбы с теми, кто систематически разрисовывает городские объекты, их задержание и наказание. Опыт показывает, что такой метод малоэффективен. Во-первых, рисовальщиков трудно поймать, а, во-вторых, репрессивные меры со стороны правоохранительных органов могут актуализировать некоторые мотивы – протест и вызов [9,

15]. Риск быть пойманным лишь усиливает привлекательность игры, правила которой предусматривают девиантные поступки [9, 15].

Особое направление в предотвращении граффити составляют воспитательные программы и деятельность средств массовой информации. Но, как отмечает Брюер, условием эффективности подобных программ является учет ценностей подростковой субкультуры. Зачастую эти программы углубляют культурный конфликт тем, что акцентируют внимание на вреде, криминальности и неэстетичности граффити, подчеркивая тем самым ценности протеста, власти и свободного творчества, присущие субкультуре [9].

И наконец, еще один способ борьбы с этим явлением заключается в легализации настенной живописи. В последнее время создаются специальные стены для граффити, рисовальщиков привлекают для оформления городов. Вероятно, эффективен и отказ от уничтожения граффити в местах, ритуальных для определенных субкультур, как это было сделано с подъездом Булгакова в Москве [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надписывание различных объектов является древним видом поведения. Оно может носить случайный характер, может становиться систематическим для личностей определенного склада и является неперенным элементом субкультуры подростковых сообществ.

Имеются упоминания о том, что граффити являются характерным типом поведения для молодежных банд, но нет специальных исследований, позволяющих установить наличие связей с другими видами разрушительного поведения. Мало исследована роль граффити в коммуникации. Неизвестно, кто читает граффити и какую информацию получает. Скучны сведения об оценке данного вида поведения представителями разных социальных слоев и субкультур. Следует отметить явную недостаточность исследований личностных черт рисовальщиков и практическое отсутствие репрезентативных межкультурных исследований.

Исследование граффити, особенно имеющих агрессивную направленность, может позволить продвинуться в понимании других форм человеческой деструктивности и нахождения способов стимулирования заботливого отношения к окружающей среде и другим людям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев: Наукова думка, 1985.
2. *Макаров Р.* Не хрюкать, душа гуляет! // *Общая газета.* 1997. № 12. С. 7.
3. *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1978.
4. *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи X–XIV вв. М., 1964.
5. *Седнев В.* Надписи и рисунки в общественном транспорте (попытка классификации) // *Философская и социологическая мысль.* 1993. № 1. С. 170–173.
6. *Щепанская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. СПб.: Наука, 1993.
7. *Церковный устав Владимира.* Вторая редакция. Памятники русского права. Т. 1. М., 1952.
8. *Abel E.L., Buckley B.E.* The handwriting on the wall: toward a sociology and psychology of graffiti. Westport: Greenwood Press, 1977.
9. *Brewer D.D., Miller M.L.* Bombing and burning: The social organization and values of Hip Hop graffiti writers and implications for policy // *Deviant Behavior.* V. 11. 1990. № 4. P. 345–371.
10. *Buchnell J.* Moscow graffiti: language and subculture. Boston etc: Unwin Hyman, 1990.
11. *Cohen S.* Destruction of property: motives and meanings / *Ward C.* Vandalism. London: The Architectural Press, 1973. P. 23–53.
12. *Collins T.B., Batzle P.* Method of increasing graffiti responses // *Percep and Motor Skills.* 1970. 31. P. 733–734.

13. Encyclopaedia Britannica. Chicago etc.: Encyclopaedia Brit., inc., 1964. V. 10. P. 654.
14. Goldstein A. The psychology of vandalism. N.Y.: Plenum Press, 1996.
15. Kokoreff M. Tags et zoulous: Une nouvelle violence urbaine // *Esprit*. 1991. № 2. P. 23–36.
16. Lachmann R. Graffiti as career and ideology // *American Journal of Sociology*. 1988. V. 94. № 2. P. 229–250.
17. Lewis D.A., Salem G. Fear of crime: Incivility and the production of a social problem. New Brunswick: Transactions Bks, 1986.
18. Lucca I.N., Pacheco A. El estudio de los graffiti como fuente para la investigación en la psicología evolutiva // *Perspectivas en Psicología*. 1983. V. 2. № 1–2. P. 57–82.
19. Lucca N. and Pacheco A.M. Children's graffiti: Visual communication from a developmental perspective // *The Journal of Genetic Psych.* 1986. V. 147. № 4. P. 465–479.
20. Kinsey at al. Sexual behavior in human females. Philadelphia: Saunders, 1953. (Цит. по: Wales E., Brewer B. Graffiti... P. 116).
21. Mawby R.I. Perception of vandalism in residential areas // Lévy-Leboyer C. Vandalism: behavior and motivation. Amsterdam: Horth Holland, 1983. P. 235–245.
22. McMenemy P., Cornish I.M. Gender differences in the judged acceptability of graffiti // *Percep and Motor Skills*. 1993. V. 77(2). P. 622.
23. Miller A. Vandalism and the architect / Ward C. Vandalism. L.: Architectural Press, 1972. P. 96–116.
24. Moser A. et al. The evaluation of acts of vandalism / Lévy-Leboyer C. Vandalism: behavior and motivation. Amsterdam: Horth Holland, 1983. P. 247–255.
25. Olowu A.A. Graffiti here and there // *Psych. Reports*. 1983. 52. P. 986.
26. Otta E. Graffiti in the 1990's // *Journal of Social Psych.* 1993. V. 133. P. 589–590.
27. Otta E. et al. Musa latrinalis: Gender differences in restroom graffiti // *Psychol. Reports*. 1996. V. 78. (3. Pt. 1). P. 871–880.
28. Rhyne L.D., Ullman L.P. Graffiti: A Nonreactive Measure // *Psych. Record*. 1972. V. 22. P. 157–168. (Цит. по: Abel E., Buckley B.E. The handwriting... P. 57.)
29. Rubak R.B., Patnaik R. Crowding, perceived control, and the destruction of property // *Psychological Studies*. 1989. V. 34. № 1. P. 1–14.
30. Rudin L.A., Harless M.D. Graffiti and building use: The 1968 election // *Psychol. Reports*. 1970. 27. P. 517–518.
31. Schultz P.W., Stone W.F. Authoritarianism and attitudes towards the environment // *Environment and Behavior*. V. 26. № 1. P. 25–37.
32. Schwartz M.J., Dovidio J.F. Reading between the liens: Personality correlates of graffiti writing // *Percep and Motor Skills*. 1984. V. 59. P. 395–398.
33. Sechrest L., Flores L. Homosexuality in the Philippines: The handwriting on the wall // *Journal of Social Psych.* 1969. V. 79. P. 3–12. (Цит. по: Abel E., Buckley B.E. The handwriting... P. 95.)
34. Solomon H., Yager H. Authoritarianism and graffiti // *Journal of Social Psychology*. 1975. V. 97. P. 149–150.
35. Wales E., Brewer D. Graffiti in the 1970's // *Journal of Social Psychology*. 1976. V. 99. № 2. P. 115–123.
36. Watson S. A prompt plus delayed contingency procedure for reducing bathroom graffiti // *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1996. V. 29. № 1. P. 121–124.
37. Wiesensthal D.L. Psychological aspects of vandalism / Ed. by Drenth P.J.D. et al. // *European perspectives in psychology*. 1990. V. 3. P. 279–297.
38. Wise J. A gentle deterrent to vandalism // *Psychology Today*. 1982. V. 16. № 9. P. 31–38.